

**Ч А С Т Ь
П Е Р В А Я**

1.

На исходе третьей зимы свободы в Чуприи случилось нечто небывалое — Раваница начала течь в гору.

После обильнейших предновогодних снегопадов, когда зима еще не укротила свой нор и еще собаку целиком снегом должно заносить, припекло вдруг солнце. И тут же вдоль Большой Моравы задуло, и теплый ветер с юга утром принес преждевременный желтоватый весенний дождик. Пару дней моравские белоголовые горы еще как-то с кислой гримасой терпели его, но потом по руслу Кучая и Везироваца в Равницу, Белицу и Црницу хлынули мутные, злые как осы, буйные потоки, неся перед собой вырванные с корнем кусты и утопших овец с намокшей шерстью.

Темные воды Белицы, Раваницы и Црницы сначала выплеснулись на зеленоватый лед, после чего, сплетаясь в грозные клубки, ворвались под его шкуру. От этого скованная льдом река поднялась, словно прокисшее в квашне тесто, и взбурлилась, поглядывая вокруг как злой бодливый вол. И в одну прекрасную ночь, когда вдалеке, похрустывая и шебурша, трещало что-то вроде сухих веток, лед вскрылся. Уже на заре, лениво тронувшись, река рыгнула, как будто у нее схватило желудок, и, подпрыгивая и сотворяя обратные сальто, вслепую,

наугад, рванула вперед. Высоко вздымая колени и не уклоняясь от русла, она с яростью уничтожала все, что вставало на ее пути.

Раздраженная и злая, со зловещим грохотом река сначала набросилась на железнодорожный мост. Гоня горы льда, она пихала и толкала широкими плечами странную преграду на своем пути, по которому едва ползли перепуганные составы. Металлические опоры под ними скрипели и стонали как во время землетрясения. Преграда никак не хотела сдаваться, но и стихия не желала уступить. И тогда река, непрерывно получая все новое и новое ледяное подкрепление, наслаивая льдину на льдину, изготавилась идти на опасный прорыв.

Моментально из артиллерийских казарм примчался взвод саперов. Солдаты карабкались по громоздящимся льдинам и конструкциям моста не хуже цирковых акробатов, рассматривая заторы в бинокли так, будто им предстояло отбивать танковую атаку. После этого они принялись лупить по льдинам из минометов. За пару дней опасный затор удалось ликвидировать. Темная вода, пестрея светлыми льдинами, неслась меж устоявших быков моста с устрашающей скоростью, обрызгивая ледяными каплями рельсы.

Однако двумя километрами ниже льды наткнулись на низкий, почти залитый водой деревянный мост в конце Главной улицы, который два с половиной года тому назад построили русские. Возвели этот малый мост во время освобождения рядышком со взорванным железным, всего несколько месяцев тому назад, и, пока еще не подняли из воды и не восстановили *большой*, мост этот стоял желтым красавцем. Но теперь, возле восстановленного гиганта, сверкающего свежей охрой, *малый*

вдруг стал похож на всеми забытого, сопливого деревенского племянника, насильно привезенного в город. А поскольку никто не знал, что с деревянным мостом делать дальше, его даже и не пытались облагородить.

Малый мост сопротивлялся недолго. Кольшась и изгибаясь, он несколько дней выдерживал напор большой воды. Но потом, барахтаясь как щенок, он превратился в длинный плот, засыпанный сломанными ветками, и прямо по центру реки в него врезался огромный, тяжелый, видимо, снесенный потоком с Ады черный тополь. Нырнув под лед, он с силой ударил в мост, в его, похоже, самое слабое место; мост лег на бок, тем самым подставившись под еще более мощный удар воды, и с хрустом сломался, как тонкая досточка. Под глухой треск и скрежет он сорвался со своих придонных скреп, вытолкнул желтые крепежные шипы, брусья и доски настила и, разломившись на две огромных половины, тронулся по воде, пристав к быкам своего близкого железного родственника.

Так в течение недели реку запрудило во второй раз. Освободившаяся ото льда и запруженная обломками, она, похоже, не представляла особой опасности для железнодорожного моста — солдаты бросили все и вернулись в казармы. И тут река, обезумев, лопнула как перезревший чирей и бросилась во все стороны.

Пока безостановочно лил сильный дождь, Моравка была бескрайне серой, похожей на кипящее море. На севере, между Чуприей и Ягодиной, она перегрызла Цариградский шлях, потом размыла насыпь, разбросала вагоны и шпалы, словно зубочистки. То же она сотворила и на юге, между Чуприей и Парачином, и, оставив в покое два поселения на малых островках, затопила

несколько окрестных сел с прилегающими полями. Наконец, она вспомнила и крохотную Раваницу. Искося хмуρο глянув на речушку, залила ее встречным потоком и наполнила до предела. А Раваница, захлебнувшись вешними водами, взбесилась и, чего никогда не бывало, повернула свой ток вспять.

Несчастливым жителям Чуприи не раз доставалось по два несчастья кряду, но чтобы два счастья — никогда. Вот и сейчас те, кто жил подле Моравы, ошалеv от свалившейся на них дармовщины, уселись в верткие плоскодонки, вооружились баграми, крючьями, мотыгами и кошками на веревках и начали ловить золотисто-желтые брусья русского моста, которыми они следующей зимой будут с гордостью топить свои печи. А другие, проживающие на берегах Раваницы — дочери Моравы, вынуждены были спасать цыган.

Третьи же и четвертые теми ночами, вооружившись шестами и фонариками, обходили подтопленные дома и следили за уровнем воды; потом Раваница, прижатая Моравой, будто на цыпочках тихо покинула город и вернулась в свое русло. После чего, найдя еще один проход, подло сожрала плотину у Недельковой мельницы и еще раз, галопом, против привычного течения, ворвалась в цыганское поселение, опрокидывая, совсем как испуганная лошадь, бочки и заборы.

В ночи раздавались вопли перепуганных цыган. Вслед за ними взревели военные сирены и зазвонили во всю мочь церковные колокола. Армия, УДБА*, комсомольцы, милиция — все ринулись спасать цыган.

* УДБА — серб. Управа за државну безбедност, Управление госбезопасности.

Целых два дня продолжалось спасение скудного цыганского имущества. Потом все еще полноводная Раваница вроде как удовлетворилась и, оставляя за собой грязищу, вернулась в привычное русло. А спасенные обитатели селения, прихватив уцелевшее барахло, сбились в кучу на дамбе и принялись плевать в затопившую их воду, ожидая, когда с мокрых веток слетят запорхнувшие туда курицы.

Несмотря на шум и панику, причиненный ущерб был невелик. Кроме двух-трех жалких мазанок, которые цыгане мигом восстановят, стоит только установиться настоящей весне, трагически погибли всего лишь несколько куриц, а одной из птиц, на глазах у потрясенных жителей, выпускник местной гимназии, а ныне прапорщик УДБА, сухощавый высокий блондин Светислав Петрониевич по кличке Русский, жертвуя собой, спас жизнь.

В сапогах, полных воды, и в шинели, длинными мокрыми полами хлеставшей его по острым коленям, он из плоскодонки, на веслах которой сидел милиционер, полез прямо на дерево. Нескольких птиц он удачно схватил и швырнул в лодку. Но одна из них, перепугавшись, бросилась ему прямо в лицо, свалилась в воду и под веселые крики любопытных камнем ушла на дно. Светислав выматерился и, не раздумывая, спрыгнул с дерева прямо в грязную ледяную воду. Обезумевшую птицу он вытащил (та сначала прикрывала глаза белой пленкой, потом очухалась и как пьяная замотала головенкой), но при этом герой промок насквозь, что и послужило причиной его болезни.

2.

Через два дня высокая вода отступила, и Русский вернулся к своим обязанностям, но — с отяжелевшими руками и воспаленными глазами, охрипший, не выпавшийся и в лихорадке.

После приключения он целых две недели провел в делах. Все это время зима мучилась, никак не решаясь — то ли еще продолжить борьбу, то ли же затаиться до лучших времен, и потому еженощно прихватывала мелкими морозцами почву, которая днем, едва пригреет солнышко, обращалась в долинах в жидкую грязь. Русский, кашляя и чихая, зябко кутаясь в шинель и заглатывая бесполезные таблетки аспирина, с несколькими милиционерами и удбовцами трясся в перегруженных двуколках по невозможным горным дорогам, в которых колеса увязали по самые ступицы, сохраняя в левом обшлаге шинели донесения сельской закупочной комиссии, объезжал с обысками окрестные села.

Так или иначе, а зерно следовало из крестьян выбить. А поскольку добром они его сдавать не хотели, Светиславу было совершенно ясно, как следует поступать.

Он страдал от этой не покидавшей его мысли и от прилипчивой болезни, и потому, стоило ему войти в

дом, обозначенный в списке, ощутить сытый, теплый дух молочной сыворотки, Светислав моментально впадал в бешенство. В то время как люди (*настоящие* люди, думал он, больные, голодные и израненные — а среди них на первом месте он непременно видел лично себя) мучаются и гибнут в борьбе за лучшую жизнь человечества, за *их* лучшую жизнь, они здесь варят яйца и ждут возвращения из эмиграции короля!

Он с яростью заставлял домашнюю челядь перекапывать двор, конюшню, вскрывать подполы... Если вдруг что-то нащупывал и, чаще всего, если обнаруживал тайник — задыхаясь, истерически крыл их матом в бога, в душу мать! Хозяина же в кустах — а иной раз и на глазах домочадцев — избивал до изнеможения. Закончив экзекуцию, он частенько задумывался над тем, что вот этот мужик так ничем и не проникся, несмотря на то, что сам Светислав просто сходил на нет после этого избиения. Тогда он ощущал себя бесконечно виноватым и до глубины души больным и несчастным, отчего еще больше злился и ненавидел этого крестьянина еще сильнее.

По сути, он ненавидел всю деревенщину мира. Все они — кровопийцы, кулаки и враги народа! И даже если пока нет — то будут! Иной раз он готов был пристрелить на месте такого. И это, уговаривал он себя, вовсе не было бы грешно — напротив!

В таких случаях он приказывал милиционеру запретить конкретную деревенщину в помещении сельского совета, а сам переходил к следующему хозяйству.

Однажды вечером в валашском селе Багреница, с яростью набив арестованными несколько комнат в сельсовете, а затем опустошив их, отправив толпы аре-

стованных для дальнейшего решения их судьбы в город, Светислав неожиданно окончательно занемог. Окно, в которое он в тот вечер уставился, внезапно принялось плавно кружиться, и, пока он судорожно пытался предотвратить вращение деревянного переплета в рамках прямоугольного оконного проема, окружающий его мир сжался до размеров детского кулачка. Так Светислав потерял себя в неотчетливом гуле и неясной голубизне. Теряя сознание, он неслышно свалился на земляной пол.

После этого Светислав четыре дня провел в горячке в доме местного влаха-коммуниста.

Он будто сидел в кресле-качалке, колыхаясь между полуявью и полусном, чередуя ощущения болящего до стона тела и приятного облегчения вытянувшегося в покое скелета, между жуткой лихорадкой, явившейся результатом вроде бы несуществующего сквозняка, и потным жаром, вызванным отчетливым осознанием задания, которое обязан выполнить, и отчетливым ощущением, что не в состоянии сделать это. В первый день хвори он даже приказал милиционерам действовать самостоятельно. Но уже вечером, принимая от них рапорты, пришел в ужас от бестолковости и глупости, наорал на них и отправил подчиненных в город. Это еще больше убедило его в мысли о том, что он — просто-напросто суций бесплодный интеллигент, слабак, который не в состоянии реализовать себя ни в какой должности, и тем более не в состоянии преодолеть себя, как бы не старался и не боролся сам с собой. Глядя на себя со стороны, он видел просто слезливого бесхребетника, и стыду его не было ни границ, ни утешения.

Его постоянно мучил один и тот же сон.

Стоило Светиславу опустить голову на подушку, набитую жесткой соломой, как в изголовье появились три игральные кости. Выворачивая шею и скашивая глаза, он следил за ними как за тремя забавными крошечными камушками, и замечал, что они, проникая в его ухо, постепенно пробираются к слюнным железам, под самый язык. Устроившись там, они поначалу не мешали ему. Но потом, постукивая все громче и вращаясь, словно танцую какой-то вальс на три четверти, они начинали расти. Это уже становилось опасным, и он, скрипя зубами и отхаркиваясь, пытался выплюнуть их. Игральные кости продолжали расти, превращаясь в крупные обкатанные кварцевые гольши, которые, громко стуча, заполняли полость рта и прижимались к самому нёбу. Усиливающееся отхаркивание не помогало ему, и Светислав бился в конвульсиях, судорожно дергая ногами.

Между тем камушки, всё увеличиваясь в размерах, постепенно проникали на второй этаж его черепа, давили на мозг и разрушали его тяжкими стальными ударами. И все это самым странным образом рифмовалось с одним из нескольких расстрелов, которыми он командовал во время освобождения.

— Беги, поп, беги! — опять вспоминал он и снова и снова удивлялся тому, как на спине поповской рясы под ударом невидимой пули вспыхивало нелепое облачко пыли, — и вдруг обнаруживал, что это — он сам, одетый в поповскую рясу.

— Нет! Это не я! — кричал диким голосом в пустой комнате Светислав Русский.

Он просыпался с заложенным носом и опухшим горлом, потный, с трепетно бьющимся сердцем, и сразу поворачивал голову к двери — не услышали ли его хозяева.

Нередко являлась ему и Гордана, выпускница школы в Чуприи, дочка довоенного офицера, затерявшегося после освобождения из плена где-то в мире, исчезнувшая куда-то прежде, чем он — из-за ее отца! — успел сказать ей то, что следовало сказать. Вдруг она виделась ему на широкой улице, и он, лучезарно улыбаясь, бросался к ней. «Гордана, — кричал он ей, — я должен тебе кое-что сказать!» Она, призрачно колеблясь, отступала назад. «Я вернусь!» — отвечала она, подрагивая всем своим кружевным телом. А потом таяла в воздухе. Во сне они вовсе не ссорились.

Просыпаясь в странной кровати, пропахшей пыльной сенной трухой, ощущая внутри себя тихую пустоту, он верил, что с той черноглазой, длинноногой девчонкой он запросто пролетел бы над всей грязью как на крыльях, как настоящий витязь на добром коне. И припрятанное зерно быстро бы отыскалось! А вот без нее — на тебе, вроде как всем хорош: Светиславу казалось, что, входя в каждый дом, он проявляет невиданную отвагу, демонстрируя власть и силу, а вовсе не отсутствие опыта и неловкость, которые и привели к болезни. На деле же совершает ошибку за ошибкой, с яростным удовлетворением шагает по тонкой корочке собственной гордости, с каждым шагом все глубже и глубже увязая в дерьме.

«Что же это такое? — с удивлением задавался он вопросом, оглядываясь вокруг. — Неужто именно это и называется жизнью? Неужели эти люди все время жили такой вот жизнью, и то, что я тут вижу — наивысшее их достижение? А может, я не так это понимаю и плохо смотрю?»

Еще в первый свой ночлег в селе он заметил, что его хозяин из Багреницы, едва заслышав у дома собачий

лай, вскакивает с постели и, прихватив керосиновую лампу, с топором в руке направляется в конюшню. Постояв там некоторое время, с огнем обходит двор и бесшумно возвращается в дом. Было похоже, что он готов вскочить в любой момент.

Однажды он все-таки спросил его об этом.

— Боюсь, скотину отравят — отвечал влах*.

— Кто?

Мужик махнул головой, на которой покоилась мохнатая шапка:

— Селяне.

Русский было понял так, что на самом деле виной тому был он, однако вскоре решил, что крестьянин хочет у него что-то выпросить. «А что он может от меня получить? — мысленно усмехнулся Светислав. — Может, сам что-то припрятал?» И решил не предлагать ему свою помощь.

«Почему же они так живут? — размышлял он, глядя в потолок. — Как могут влачить такое существование? Вокруг них беда на беде и бедой погоняет, а они словно ничего не видят, мало того — сами стараются в беду ввязаться». Измученный и больной — стоило подняться с кровати, как ноги начинали предательски дрожать, и опять валился в постель, — он пытался хоть как-то управлять своим немощным телом, сделать хоть несколько шагов по комнате. Именно тогда Светислав впервые подумал о том — и это все чаще и чаще стало приходить ему в голову, а с годами превратилось в навязчивую идею, — что люди, некогда избитые им, чувствовали себя совсем как он во время

* Здесь — житель Валахии.

болезни. «Может, — усомнился он, — и не стоило их избивать?»

«Но как с ними иначе? — тут же возражал сам себе. — Как их сдвинуть с места?» Он ненавидел их безволие и готовность к страданиям, ненавидел их вероломство и куриную слепоту. Ради кого он все это делает? Ради нас всех, и ради них тоже!

Зернá, видел он, у них и для самих себя не хватает, не говоря уж о том, чтобы отдать его другим. Но ведь и теми припасами, что есть, надо делиться. И хоть бы продемонстрировали простое желание двинуться вперед! Нельзя больше топтаться на месте, не выжить им так. Пропадут ведь. Но если им грязь и нищета, беда и горе все равно что свинье лужа, то выгнать их оттуда разве что только кулаками и можно. Батоги для них единственно понятный язык, любят они их раздавать, да и, получая, не ропщут. Только их они, видно, и уважают.

«Ладно, — думал он, глядя в оконце на разбитую дорогу, — если они к этому привыкли, то разве я тоже привыкать должен? Как мне-то выжить?» Потому что грязь, с которой он борется, затягивает и его, все глубже и глубже, уже обволакивает руки, залепляет лицо, глаза. Светислав уже плохо видит, тонет, задыхается в ней. «Как же мне выжить?» — все чаще задумывался он.

Иногда вдруг его охватывало непреодолимое желание встать под мощную струю воды, долго намылывать мочалку и тереть собственное тело, чтобы смыть с себя эту грязь. Некоторое время он боролся с таким желанием, однако явственно ощущал, как его тело покрывается грязной корой. Наконец подымался и шел босиком, по липкому глиняному полу, в длинных солдатских каль-

сонах, пошатываясь на тонких ногах, мыл руки в грязном тазу с водой, что стоял в углу комнаты. Казалось, после этого ему становилось немного легче.

И так вот четыре дня. Тогда, больше из упрямства, чем от улучшения самочувствия, он поднялся с кровати, завернулся в шинель и позаимствованное валашское одеяло, погрузился на двуколку и вернулся в город.

3.

Несколько последующих дней, пока еще застенчивая весна не очень окрепла, Светислав в небольшом домике бывшего железнодорожника у казармы на улице Милоша Обилича без особого восторга отдался заботам старшей сестры Радмилы — родителей у них уже не было — некрасивой старой девы с плоским лицом и кривыми ногами, работавшей в комитете СКОЮ* и приходившей домой очень поздно. Это вынуждало его самостоятельно делать по утрам омлет из трумэновских порошковых яиц и молока**, после чего, все еще сопливый, он отправлялся на службу на Досифееву улицу.

— Ну, что же нам делать? — недовольно вздыхал оперуполномоченный Марич, красивый ловкий парень в новой униформе. — На оперативную ты не годишься. Может, причешем городских реакционеров?

И он вывалил на стол целую кипу дел.

Светислав сразу принялся за работу.

Он просмотрел титульные листы, внимательно изучил рапорты сотрудников, но не нашел ничего интересного. Одни только глупости.

* СКОЮ — Союз коммунистической молодежи Югославии.

** Имеется в виду американская гуманитарная помощь времен президентства Гарри Трумэна.

Проглядел дела еще раз и — с чего-то надо было начинать — задержал взгляд на одном из них. Подшитые в нем донесения представили трусливый гимназист-ское-вец*, которого он никогда не видел, и симпатичная крашенная учительница истории, что некоторое время преподавала ему (он терпеть ее не мог), доносившая УДБА из страха — во время оккупации она спала с немецким офицером. «Времена и власти, — думал он, — меняются и должны меняться, но стукачи всегда остаются стукачами». И он ощутил симпатию к юноше, которого заложили эти двое, хотя тот вовсе не был ему знаком.

Светислав послал за ним в школу милиционера.

— И смотри там, не очень-то, — приказал он сотруднику. — Вызови его через секретаршу. И вели самому явиться.

Парень вскоре пришел — небольшого роста, с высокой копной черных волос на голове, широко вышагивая ногами в модных резиновых ботах, — и Светислав удивленно констатировал: вот он, на два-три года младше его, симпатичный гимназический волейболист Миша по прозвищу Булочка, которого он частенько встречал около своего дома с невысокой белокурой гимназисткой. При виде парочки, расстающейся в сумерках у дверей подружкиного дома, его как ножом пронзали воспоминания о Гордане, и Светислав, желая наблюдать и одновременно не мешать им, как-то по-старчески полюбил этих ребят — ему казалось, что он намного старше и опытнее их — и, поспешно входя в свою дверь, завидовал им. Теперь этот парень стоит перед ним, снова напоминая о том, что и без того неотрывно мучило его.

* Член СКОЮ.

Исподлобья он смотрел на него как на старого доброго знакомого, как на родственника, с которым после долгих лет разлуки встретились в незнакомом краю. Светислав посадил его на стул в трех метрах от стола. Заправил в пишущую машинку под копирку четыре листа бумаги и принялся выстукивать установочные данные.

— Как тебя зовут?

Волейболист ответил.

— Происхождение? Кто у тебя отец?

— Стрелочник.

— Рабочий, значит?

— Рабочий.

— Псевдоним?

Парень осклабился.

— Кличка. Кличка у тебя есть?

— Ну, меня Булочкой зовут.

Парень слегка побледнел, но держался хорошо. Светиславу и это понравилось. Он отстучал ответ и оторвал взгляд от машинки. Он с улыбкой посмотрел на него:

— Чего это тебя так прозвали?

Тот в ответ тоже усмехнулся:

— Когда отец сюда приехал, он сначала был пекарем, горячие булочки продавал. Потом только устроился на железную дорогу. А Булочкой сначала его прозвали, а потом и меня тоже.

Светислав нарочито внимательно разглядывал его волосы, потом — боты:

— Кажется, тебя недавно хотели принять в СКОЮ?

— Да.

— И... Чего же тебя не приняли?

Он пожал плечами:

— Не знаю.

— Потому что дурака валял, вот почему. Что ж ты не поехал на магистраль*?

Опять он пожал плечами:

— Я записался. Но у меня переэкзаменовка была по латыни. Пришлось остаться.

Светислав весело подмигнул ему:

— Да ну! Из-за латыни? Ты, дружище, остался ради блондиночки, а не из-за латыни!

И тут ему вдруг пришло в голову, что он опять — по привычке! — пускается в интимные рассуждения, и потому парень обязательно начнет врать. Сам же его и принуждает к этому! И потому заранее обозлился на самого себя и на ожидаемый ответ, который еще не успел прозвучать.

Но Булочка сокрушенно признался:

— Да, и из-за нее. Но в этом году мы записались оба. Обязательно поедем.

Молодого прапорщика это признание сильно задело. «Так и мы могли бы, — автоматически подумал он, ощутив боль в сердце, — и мы могли бы».

Он опять с болью изгнал из мыслей образ, который причинял ему столько страданий.

— А знаешь ли ты, — продолжил он многозначительно после короткой паузы, — знаешь, почему я тебя вызвал?

Волейболист посмотрел в сторону, после чего втянул голову в плечи, будто в ожидании пощечины.

— Не знаю, — испуганно произнес он. — Понятия не имею.

* Имеется в виду строительство «добровольными молодежными бригадами» в конце 40-х — начале 60-х автомагистрали «Братство — Единство» от Люблины до Скопье (Е-72).

Светислав посмотрел на него с жалостью. «Все они одинаковы, — подумал он. — Все лгут. И по большому счету, и, как сейчас, по малости, и когда презираешь их, когда должен и хочешь сломить их, и когда они симпатичны тебе и хочешь помочь им. Чертово дерьмо человеческое, им лишь бы подальше от власти, несмотря на то, что она тут, рядом с ними. Как же быстро их восторг от свободы прошел!»

И вдруг в тот момент, когда он отыскивал настоящее, спокойное слово, его пробил кашель. Покраснев, он вытащил из кармана чистую белую тряпицу размером с полотенце, долго откашливался в нее, после чего вытер нос.

— Мудак ты, ничего не знаешь, — произнес он сквозь тряпку. — Всё ты знаешь! Глянь только, как ты нахохлился. Будто отец у тебя сахарозаводчик, а не булочник.

Сидящий перед ним парень громко проглотил слюну и умолк.

А прапорщик вдруг крикнул:

— Разве не говорил ты, мудило, что наша тяжелая промышленность, — тут он открыл ящик и заглянул в лежащее там открытое дело, — что наша тяжелая промышленность после первого пятилетнего плана начнет выпускать деревянные гребешки? Или ты представления не имеешь, кто это сказал?

Волейболист опять сглотнул, после чего руки его дернулись:

— Ну, я сказал, мать твою.

Молодого следователя настолько изумили эти слова, что его просто охватила паника. «То ли расхохотаться, — подумал он, — то ли со стула свалиться...» Он наклонился, втянув подбородок в воротник офицерского кителя и, выждав немного, спросил:

— Мать твою, а зачем?

Опять нерешительный жест:

— Да ничего. Пошутил я.

Светислав все никак не мог решиться.

— Так чего же ты, болван, — вымолвил наконец он, — так глупо шутишь? Да еще при всём классе?

Миша опять развел руками. Отвечать ему было нечего.

Русский на минутку задумался:

— Значит, в этом году точно на магистраль поедешь?

— Точно, — и тут же добавил: — А иначе меня в институт не примут.

— Так ведь не только ради института?

— Конечно, нет, — Булочка явно сам на себя обозлился из-за такой ошибки: — Так или иначе поехал бы.

После этих слов прапорщик Светислав Петрониевич поднялся, отодвинул свой стул и вышел из-за стола. Ему захотелось хоть что-то сделать для этого парня. И он принял решение: не читать ему более лекцию о том, что на строительство магистрали люди идут не ради поступления в институт, и, пропуская буквы, отстучал в протокол: «Явившись к уполномоченному Управления государственной безопасности, на вопрос, говорил ли он, что наш пятилетний план создаст тяжелую индустрию, которая будет выпускать деревянные гребешки, обвиняемый признал, что он сказал это, но по глупости. Он заявил, что не осознавал последствий своего поступка и что, будучи неорганизованным юношей, по происхождению из рабочих, не является врагом социализма, в этом году отправится с бригадой на молодежную стройку участка магистрали Шамац — Сараево».

— На, подпиши!

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru